

ТАЛЬ

Прелюдия

Мне довелось познакомиться с тремя будущими чемпионами мира, когда они были совсем юными. Таль и Спасский десяти лет, а Карпов одиннадцати. Первые впечатления запоминаются.

С отцом Миши Таля я познакомился при любопытных обстоятельствах. В 1945 — 1947 годах я работал адвокатом в Риге... Дальше воспользуюсь отрывком из моей статьи в «Шахматах в СССР» (9/91).

«Однажды, когда я дежурил в юридической консультации, ко мне обратился, как говорили в старину, господин приятной наружности и с хорошими манерами. Он представился: «Доктор Таль». Оказалось, что в юридической помощи доктор Таль не нуждается. Знаю ли я его сына? — спросил он и поведал, что мальчик сызмала отличается отменными способностями, всякие письменные и устные предметы усваивает на лету, перескакивает в школе через класс, но, вот беда, слишком увлекается чтением. Чтобы умерить эту страсть, отец решил научить его играть в шахматы. Конечно, «помогло». Увлечшись шахматами, мальчик все забросил, стал анализировать, бегать по букинистическим магазинам в поисках шахматных книжек, и в школьном дневнике появились четверки. Доктор попросил меня поговорить с Мишей, используя мой шахматный авторитет, объяснить, что я, дескать, адвокат (по шкале ценностей, не забытой в ту пору в Риге, это заслуживало уважения), а М.М. Ботвинник — доктор технических наук.

Сравнение с Ботвинником меня озадачило, и я никак не мог решиться на разговор с Мишей.

Когда все же собрался, Миша уже окончил Университет и был экс-чемпионом мира.

Экс-чемпион мира меня выслушал, я извинился за случившуюся задержку, а он в темпе «блиц» сказал: «Спасибо».

В другой раз меня попросила повлиять на Мишин режим его первая жена Салли, написавшая позднее интереснейшую книгу «Элегия Михаила Таля», посвященную личной жизни семьи Таля.

Мои отношения с Михаилом Талем были чисто шахматными, и многое в этой книге меня ошеломило.

Прежде мы встретились в Брюсселе. Салли, ее муж, Таль и я. Таль и Салли были уже давно в разводе, однако часто общались по телефону и встречались, когда Таль играл в международных турнирах в Европе. Мы пили кофе. Улучив момент, когда Таль и муж Салли «отключились» от нас, Салли попросила меня повлиять на Мишу, чтобы он не злоупотреблял алкоголем, сигаретами... Повлиять на Таля в этом плане едва ли мог кто-либо на нашей планете. Я сказал об этом Салли. Она, вероятно, знала это не хуже меня. Оставалось утешаться лишь тем, что, огорчая своих близких, Таль был абсолютно безопасен для всех остальных. Опасен он был только для самого себя.

Обращения ко мне доктора Таля и Салли были просто незаслуженными комплиментами. Хоть и незаслуженными, а все равно приятно.

В 1979 году Таль играл в международном турнире в Малаге. В своей книге Салли пишет о встрече с Талем в Малаге: «Тут меня ждал сюрприз: Таля в гостинице нет. У него стало плохо с сердцем, и его отправили в Мадрид».

Возвратясь в Малагу, Таль объясняет Салли: «Теперь все в порядке! Просто в Ленинграде была задержка рейса. Кроме «гроссов» самолет перевозил в Испанию картины из Эрмитажа. Я просто переутомился...». И дальше: «Он, конечно, храбрился — вид у него был не ахти какой...».

Вот как я видел эту «эпопею» из Москвы. Вскоре после того как Таль улетел в Испанию, из Мадрида пришло известие — Таль в больнице, у него инфаркт, не то еще что-то. Состояние плохое. Большой начальник вызвал сотрудницу международного отдела, оформлявшую документы для выезда Таля. Начались поиски стрелочника. Начальник строго спросил — представили ли Таль перед выездом справку о состоянии здоровья. Сотрудница, Екатерина Яковлевна Стриганова, рассказала, что она ответила вопросом. Вроде: «Вы разве сами не знаете, какое здоровье у Таля?» Катя, так звали ее шахматисты старшего поколения, спортсменка, жена спортсмена, мать известного хоккеиста, робостью не отличалась. Она по-доброму относилась к мастерам и гроссмейстерам, и ее уважали. Так что можно не сомневаться, что она могла постоять за себя. Однако вскоре пришел привет из

Мадрида — Таль вышел из больницы, играет в турнире. Тучи рассеялись.

Позднее выяснилось, что самолет летел из Москвы в Испанию замысловатым маршрутом. Сперва в Ленинград, там долгая погрузка картин. Пассажиров будто бы из самолета не выпускали. Затем на юг, в Испанию... От Москвы полет долгий, а от Ленинграда тем более. Одним словом, налетались. Таль, само собой, накурился от души.

Таль занял первое место. Для любого такой эпизод был бы исключительным, а для Таля, увы, рядовым.

Невероятный, будто инопланетянин*

Говорят, что среди своих красивейших партий Таль назвал выигранную противником, так как хоть и проиграл, но участвовал в создании шедевра. Следуя примеру, скажу, что с удовольствием вспоминаю свой проигрыш Талю в сеансе. Дело было в Риге, Таль играл французскую черными, было ему десять лет, а сеанс давал я. Движения худенького мальчика были стремительны. Обращали внимание большие и как бы мерцающие черные глаза.

Шли годы, и когда я уже в Москве спросил у тренера Таля мастера Кобленца, он ответил всерьез, что мальчик будет чемпионом мира.

Юношей Миша стал мастером, и вскоре мы случайно встретились в редакции журнала «Шахматы в СССР». Он поздоровался, я на миг замялся, но «эти черные глаза» невозможно было забыть.

Какие глаза должны быть у гипнотизера? Шаблонный ответ — черные. Такие, как у Таля. Возможно, поэтому кое-кто говорил о гипнотическом действии Таля, а Пал Бенко во время партии даже «защищался» темными очками.

В 1957 году Таль занимает первое место в чемпионате СССР. Стиль игры молодого чемпиона необычайно агрессивен. В лексиконе шахматистов появляется выражение — «Сыграно в стиле Таля!» Однако высококвалифицированный автор, анализируя игру победителя, доказывал, что ряд партий Таль не должен был выиграть и, стало быть, его первое место незаконно. Таль от-

* «64—ШО», 1/92.

вечает не словами, а продолжающей расти силой игры. Он на практике доказывает, что важнее не что делать, а как делать. Можно играть солидно, не рискуя, но можно рисковать даже безумно, надо только ориентироваться в осложнениях лучше противника.

В истории шахмат не раз наступали «ледниковые периоды». Именно тихходные пешки провозглашались душой игры, появлялся и бродил призрак ничейной смерти, защита объявлялась сильнее атаки, потоп дебютных вариантов в бесчисленных книгах и журналах грозил утопить вдохновение. Однако неизменно возникали гигантские фигуры — Пол Морфи, Александр Алехин, Михаил Таль, и — к восторгу любителей — доказывали, что вдохновение выше всего.

С огорчением я прочитал недавно строки одного спортивного журналиста. Желая, наверно, похвалить покойного, он написал, что хотя Таль всего год был чемпионом мира, но зато... и так далее. Напрасно берутся пирожники тачать сапоги. Ведь дедушка Крылов это делать не рекомендовал. Есть ли «загадка Таля» или ее нет? А если есть, то можно ли ее разгадать? Нужно ли для этого создать и развить «талеведение»?

Долгие годы знакомства с Талем я сознавал, что общаюсь с феноменом, но в силу каких-то недостатков моего характера, постоянного цейтнота, потока других шахматных впечатлений я встречался и общался с ним меньше, чем это было возможно. Теперь раскаиваюсь.

Хочу поделиться некоторыми эпизодами, что сохранила память...

Юный Таль за доской был так поглощен происходящим в партии, что, казалось, в жизни должен быть рассеянным, не от мира сего. «Так я и думал, — рассказал мне международный мастер Кан, тренер сборной студенческой команды страны, направлявшейся на чемпионат за



рубеж туда, где левостороннее движение. — Оказалось, что Миша сориентировался немедленно. Он видел все стремительно мчащиеся машины и порой «выхватывал» из потока своих зазевавшихся товарищей».

При этом Таль мог забыть свои деньги в нашем представительстве в заморской стране, сдав их на хранение на время. (Потом их, конечно, получал, но далеко не сразу.) Просто он четко ранжировал угрозы реальные и угрозы мнимые.

С рассеянностью Талья в случае угрозы мнимой я столкнулся в 1970 году в австрийском городе Капфенберге, где прошел командный чемпионат Европы. Перед отъездом домой я как руководитель попросил команду собрать все авиабилеты. Билета не оказалось у одного Талья. Посмотрели в его комнате там и сям — не нашли. Опытный Пауль Петрович Керес, капитан команды, говорит: «Надо посмотреть под письменным столом, в мусорной корзинке». Действительно, среди ненужных бумажек валялся авиабилет. За такой удачный финал я был награжден рассказом о случае еще более занятном.

Команда шахматистов в самолете. Руководитель А. Котов просит передать ему все паспорта. У всех паспорта на месте, у Талья — нет.

«Почему у тебя вечно не слава Богу? Смотри, вот мой паспорт всегда на месте», — говорит Котов и... вынимает из своего кармана паспорт Талья. Затем паспорт Котова находят в подкладке плаща Талья. Когда случился «размен», неизвестно, установлено лишь, что в кармане плаща дыра.

Не веря ни в какой гипноз Талья, надо признать, что он, несомненно, как-то воздействовал на окружающих.

Во время XXX чемпионата СССР в Ереване Таль играл с Холмовым. Зал Оперного театра переполнен. Таль готовит атаку, зал слегка гудит. Таль жертвует качество — грохот аплодисментов!

Судьи стараются восстановить порядок. А после партии Холмов говорил мне, что жертву качества он видел заранее и правильно считал, что можно отбиться, но тут эта овалация... Будто потолок на голову рухнул. И перестал соображать.

В 1968 году я вел переговоры с Шахматным союзом Югославии о месте матча претендентов Таль — Глигорич. Предлагали Белград, я возражал — дескать, принято играть на нейтральном поле. А мои оппоненты заявили, что в Югославии за Талья болеют больше, чем даже за Глигорича.

В 1971 — 1973 годах я работал в еженедельнике «64». Однажды Таль комментировал партию для нас прямо в редакции. Снял пиджак, он быстро вышагивал по небольшой комнате и, не глядя на доску, в темпе сыпал вариантами, диктовал текст как по писаному.

Не ново, что на солнце есть пятна и чемпионы ошибаются в комментариях. А шахматный читатель — великий дока по части критики. Он обнаруживает ошибки у любого авторитета и нередко берется за перо. Но вот, удивительное дело — ошибки в комментариях Таля встречались, а желающих писать о них не находилось. Какая-то магия, или же проще — он был подлинным любимцем публики.

Став самым молодым в истории чемпионом мира, Таль не изменился. Он с увлечением отдался на волю шахматных волн. Играл, путешествовал, давал интервью без отказа, не избегал даже развлекательных радиовыступлений. Его тренер Кобленц призывал остановиться, ведь возможен матч-реванш. Таль отвечал со смехом и более чем легкомысленно. Дескать, он может выиграть как угодно. (На пресс-конференции после матча-реванша Ботвинник рассказал, что он начал подготовку на следующий день после окончания первого матча.) Но с Таля как с гуся вода. Вновь с увлечением ныряет в океан соревнований. Победа ли, поражение — ничто не выводит его из обычного состояния. Доминанта — неутолимый голод по игре, по борьбе, по комбинациям. Они необходимы ему, как дыхание.

Ряд самых знаменитых шахматистов на вопрос врачебного толка о курении и винопитии твердо отвечают: «Нет!» Таль, увы, был тем самым исключением, без которого, как утверждают умные головы, нет правила. К своему здоровью он относился откровенно наплевательски. Хотя для этого не было ни малейших оснований. Чем только он не болел! Зато никогда не жаловался и не унывал. Он мог играть (и играл!) при высоком давлении и вообще в самом невообразимом состоянии. А при попытках обсудить с ним эту тему — улыбался. Он словно был создан для того, чтобы являть окружающим возможность победы духа над материей.

В 1985 году я оказался с Талем и его тренером Багировым во Франции, в Монпелье. Таль сыграл с Тимманом после турнира дополнительный матч, и счет 3:3 благоприятен для Тиммана. Он стал претендентом, а Таль упустил успех в последней партии. Не

унывая, Таль предложил нам с Багировым отметить окончание по старинному обычаю. Матч позади, отказываться неудобно. Однако вечером Таль должен давать сеанс. На этом настоял организатор турнира г-н Пи (такую фамилию забыть невозможно). Он объяснил, что матч — дополнительное соревнование, значит, без приза, но сеанс — это выход из положения. Талю это не очень нравилось, но получилось так: сеанс — это официальная часть, а потом сразу отъезд. И хотя обычно банкет устраивают после официальной части, в данной позиции случилась перестановка ходов. Мы сидели в номере вдвоем, чокнулись, закусили, все обсудили. Таль пошел поспать в темпе блиц, а затем спустился вниз давать сеанс. В середине сеанса, когда у Таля против Пи не хватало качества, хотя позиция внушала кое-какие надежды, француз предложил ничью. Участников, кстати, было немного, но все хорошей квалификации. Принимая за благо поощрить заслуги организатора, я рискнул поддержать мирное предложение. Дружелюбный и мягкий в обращении Таль ответил мне коротко и резко: «Нет!» Надо ли говорить, что в очередной раз дух победил материю?

Сеанс окончился, мы поднялись наверх, и Таль сказал, что теперь он хочет вернуться к обычному регламенту. Оказалось, что на этот случай у него кое-что припасено. Тут уж мы с Володией Багировым твердо сказали свое двойное «Нет!» Таль не соглашал-



М. Таль, В. Багиров, Н. де Фирмиан

ся, и я предложил компромисс: позднее, в поезде... Согласие было достигнуто.

Уезжали мы около полуночи. Кроме нас в купе спального вагона, оказавшемся узким, трехэтажным, находились седая дама и молодой человек с усиками, закрученными кренделем. Обстановка для теплой беседы неподходящая, да и пора спать. Не без ехидства я спросил: «Надеюсь, что туалет и коридор для такого мероприятия не подходят?» «Не подходят», — грустно согласился Таль.

Поезд прибыл в Париж затемно, нас встретил друг Таля и отвез на машине в гостиницу. Мы вручили ему чудом уцелевшую увесистую бутылку, хотя он по имущественному положению в гуманитарной помощи не нуждался и пытался отнекиваться.

В Монпелье Таль прибыл хромя, с палочкой. Вроде бы небольшое растяжение. По этой уважительной причине гулять не ходил. По многу часов занимался, готовился и делал это с большой охотой. Нога вскоре прошла, и мы с Багириным стали приставать к нему насчет прогулок. Дескать, кислород необходим и так далее. Таль отнекивался, говорил, что прохладно, а у него нет джемпера. Это была несерьезная отговорка в условиях Монпелье. Рядом с гостиницей магазины, а в них кучи хороших и недорогих шерстяных вещей. Отношение же Таля к деньгам было всегда таким же наплевательским, как и к режиму. Так что удалось его «утеплить». Увы, прогулки оказались короткими. Таль упирался, как мог. Когда мы беседовали после матча и Багиринов сказал, что надо было побольше гулять, Таль отпарировал немедленно: «Именно поэтому и не выиграл, что слишком много гулял».

Не к случаю в памяти вертится анекдот. В зоопарке человек смотрит на жирафа. Смотрит долго-долго, а потом говорит: «Такой не может быть!»

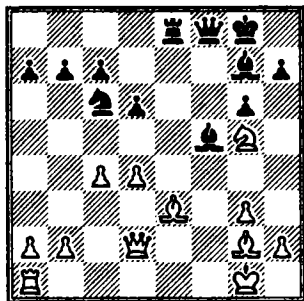
Миша Таль был и навсегда останется невероятным. Молниеносно соображающий, с феноменальной памятью, иногда рассеянный, а за доской невероятно сконцентрированный, легко избегающий конфликтных отношений, с быстрой речью, усыпанной блестящими юмором, последовательно пренебрегающий своим здоровьем, казалось, даже без должного уважения к закону всемирного тяготения.

Есть ли загадка Таля? И если есть, можно ли ее разгадать? Один хороший шахматист, ученый-физик, не склонный к мистике, ушел от выводов полушуткой: «А может быть, он инопланетянин?»

Английское начало
Р. Торан — М. Таль
 Оберхаузен, командное
 первенство Европы, 1961

Эта партия демонстрирует две стороны стиля Талья: подвижность фигур важнее материала, а также — точный расчет вариантов. Причем расчет, как правило, был молниеносным.

1.c4 e5 2. ♖c3 d6 3.g3 f5 4.d4 e4
 5.f3 ♗f6 6. ♕g2 ef 7. ♗:f3 g6 8.0-0
 ♘g7 9.e4 fe 10. ♗g5 0-0 11. ♗g:e4
 ♗:e4 12. ♖:f8+ ♗:f8 13. ♗:e4 ♗c6
 14. ♗e3 ♗f5 15. ♗d2 ♖e8 16. ♗g5.



Белые, вероятно, считали, что 17. ♗d5+ — сильная угроза. Однако, делая последний ход, Таль уже заготовил жертву ферзя.

16... ♖:e3!! 17. ♗d5+ ♗h8
 18. ♗f7+ ♗:f7 19. ♗:f7 ♖d3.

У черных за ферзя всего слон и конь, зато все фигуры активны и это решает.

20. ♗e2.

На отступление 20. ♗g2 Таль приводит красивый вариант: 20... ♗:d4+ 21. ♗h1 ♗e5 22. ♗d5 c6 23. ♗e4 ♖d2!!, выигрывая ферзя за ладью.

Если же 21. ♗f1, то 21... ♗e5 22. ♗d5 ♗g4 23. ♖e1 ♗e3+ 24. ♖:e3 ♖:e3 и 25... ♗d3+.

20... ♗:d4+ 21. ♗g2 ♗e5 22. ♖d1 ♖e3 23. ♗f1.

На 23. ♗d2 следует 23... ♗e4+ 24. ♗h3 ♗f3 25. ♗a5 ♗f5+ 26. ♗g2 (на 26.g4 следует мат в три хода: 26... ♗e1+ 27. ♗h4 ♗f6+ 28.g5, и мат двумя способами) 26... ♖e2+ 27. ♗:f3 ♖f2x.

В этом варианте все черные фигуры дружно атакуют, а превосходящие по силе белые фигуры не взаимодействуют.

23... ♗e4+ 24. ♗h3 ♖f3 25. ♗e2.

Попытка спастись, отдав ферзя, 25. ♗:f3, не достигала цели: 25... ♗f3 26. ♖:d4 ♗:f7 27. ♖f4 ♗g5+ 28. ♗h4 h6 с решающим материальным перевесом у черных.

И другое отступление ферзя на спасало: 25. ♗e1 ♗f5+ 26. ♗g2 ♖f2+ 27. ♗h1 ♗f3 28. ♗e8+ ♗g7 29. ♗g8+ ♗h6 30. ♗f8+ ♗g7 — шахи кончились, защиты нет.

25... ♗f5+, и белые сдались, так как на 26. ♗h4 следует 26... ♖f2. Грозит 27... ♗f3+. Если 27. ♗:f2, то 27... ♗:f2. Грозит 28... ♗f3x. 28. ♗d5 h6 — король в матовой сети.